

В поисках правды о ГУЛАГе

В раскрытии темы коряжемский ученый нередко становится первооткрывателем

Его могли бы обвинить в конъюнктуре. Дескать, тема выгодная, у всех на устах — что ни скажешь, всему поверят. Однако докторант кафедры отечественной истории ПГУ, кандидат исторических наук Николай Упадышев ни о чем подобном даже не помышлял. Да, было желание узнать о прошлом как можно больше и даже перепроверить уже публиковавшиеся факты на предмет их правдоподобности. И преподнести своё, дополняя предмет исследования другими подробностями. Главное, чтоб честно было. При чем нередко в раскрытии гулаговской темы Николай Васильевич становится первооткрывателем.

Автореферат кандидатской диссертации, вышедшая в областном центре брошюра «Заключенные исправительно-трудовых лагерей в Архангельской области в 1937-1953 гг.» и только что появившаяся солидная монография «ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919-1953 годы» тому подтверждением. Последняя работа, кстати, станет составной частью докторской диссертации... Впрочем, это лишь предтечи к следующей монографии, можно сказать, уже широкомасштабной — о ГУЛАГе на всём Европейском Севере.

Всё неоднозначно в нашей истории, считает Упадышев. Почему же взялся за данную тему? Просто, можно сказать, с детства она знакома и многие вещи понятны. Отец служил в системе МВД. А еще будущему ученому пришлось год преподавать историю в вечерней школе при колонии строгого режима. В общем, вот он, тот самый взгляд изнутри. Возник естественный интерес: показать ту местность, те лагеря и всё происходящее там. Как выразился исследователь, «в зоне и за зоной». Потому что поведение и отбывающих срок, и охранников было уже изначально предопределено. Получается, и те, и другие — подневольные люди? «Отчасти, так», — не сразу соглашается Николай Васильевич.

За основу же исследований взят Каргопольский лагерь, созданный в 1937-м. Правда, в 1940-м его управление переведено в Ерцево. «Там я и проживал, учился, там, в принципе, получил определенный опыт и знания об этой системе». Документы (в подлинниках!), просмотренные в архивах Архангельска и Москвы, существенно дополнили знания. Столько всего открылось!

«Обычно тех, кто служил в лагерной системе, представляют ограниченными, ущербными людьми, деспотами и самодурами. Так ли было на самом деле?» — задаю вопрос Николаю Васильевичу. — «Ну как в любой сфере (производственной, учительской и т.д.) встречаются

разные люди. Одних привело сюда желание избежать раскулачивания. Многие крестьяне бежали из деревни. А где скрываются? Тут! Если у тебя биография не запятнана, если ты не сын кулака или помещика, то тебя брали в эту систему. Много разного народа было. И опустившись тоже. Представьте себе, они ведь жили в постоянном напряжении. Хватало стрессовых ситуаций. Существовал же определенный режим, который нуждался в четком обеспечении. И часть охранников, что называется, опускалась. Но основная масса работающих имела высшее образование, и даже по два. В том же Каргопольском лагере один из начальников — Герой

Рисунок Юрия Чиркова

Советского Союза. И фронтовики были, удостоенные боевых наград»...

В общем, заметные, колоритные фигуры. Типа Н.Френкеля, возглавлявшего главное управление лагерей железнодорожного строительства. «Да, он в этом смысле уникален, — высказался Н.В. Упадышев. — Фигура, которая во многом определила содержание этой вот лагерной системы. А вначале он появился на Соловках как уголовник, посаженный за торгово-финансовые махинации». Но потом, «исправившись», выслужился перед родиной. И надо отдать ему должное: по части организации железных дорог, особенно Северо-Печорской, немало преуспел. Но

какой ценою?! В начале войны, когда возникла острейшая нужда в угле Воркуты и ухтинской нефти, Н. Френкеля назначили сюда куратором. Впрочем, и Байкало-Амурскую магистраль также связывают с его именем... Говорили: применил прогрессивные методы организации труда. Да, вести дорогу через болота и тайгу — усилия невероятные. «Порою заключенные вычищали эти самые болота до твердого грунта, — рассказывает Упадышев. — Документы об этом я видел... Каторжный труд, в принципе, применялся».

Принудительно-воспитательная структура претерпевала изменения, но неизменной оставалась ее сущность. Как отмечает исследователь, пик ее пришелся на начало войны. Так, на январь 1942 года в области имелось 7 исправительно-трудовых лагерей, а это 130 тысяч заключенных. Правда, уже через год их число стало сокращаться, а Котласский отдел ГУЛЖДС подвергся реорганизации. А в 1943-м вместо него возник сельскохозяйственный исправительно-трудовой лагерь... Об этом тоже можно найти информацию в исторических изысканиях коряжемца. Как и о Соловецком лагере особого назначения. И об Управлении Северных лагерей особого назначения в Сыктывкаре, которое также просуществовало недолго, разбившись на самостоятельные лагеря. То же самое произошло в начале тридцатых годов с Котласским пересыльным пунктом, переданным в подчинение другому ИТЛ. Потом со строительством железных дорог на Воркуту и Коношу появился Котласский отдел ГУЛЖДС. Но от перестановки слагаемых, как известно, сумма не меняется. И такие перипетии бывали нередки. Об этих и других коллизиях и повествует Н.Упадышев. И приводит отрывки свидетельских воспоминаний артиста кино Вацла-

ва Дворжецкого, прошедшего котласскую пересылку, и красноробского священника Ивана Карпова (кстати, родственника одного из коряжемцев)... Котлас, Красноробск, Ерцево, Кулой — названия населенных пунктов, связанных с сетью исправительно-трудовых учреждений. Но, как заметил Николай Васильевич, встречал он в документах и упоминания Коряжмы, Сольвычегодска...

Тот неимоверный труд заключенных в годы Великой Отечественной помог открытию в 1942 году сквозного движения по Северо-Печорской железной дороге. А значит, грузы по ней пошли сплошным потоком в действующую армию и в окруженный блокадой Ленинград... Цена этого подвига? — Изломанные человеческие судьбы. «В Котласслаге в 1942-1944 гг. уровень смертности оставался стабильно высоким. Это было обусловлено тем, что на пересыльном пункте Котласского лагеря в эти годы концентрировались все больные и ослабленные заключенные, снятые с проходящих этапов...» — пишет Упадышев в книге «ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919-1953 гг.». Например, 37,9% в 1943-м и 22,3% — в 1944-м годах...

А что же после войны? И это время исследовано пытливым историком. Пятидесятые годы, шестидесятые... Возможно, когда-нибудь Николай Васильевич исследует и наше время (возраст, кстати, позволяет). Но и сейчас по поданным им материалам можно сделать кое-какие выводы и сравнения.

Я не ставлю перед собою цель интерпретировать историю на свой манер, рассуждает ученый. Время эмоциональной оценки прошлого уходит, наступает час серьезного, объективного осмысления происшедшего и происходящего. С этой точки зрения и ценны труды коряжемского ученого. Кстати, сейчас он готовит к печати еще одну книгу, более объемную и содержательную, насыщенный познавательной фактографией. И, скорее всего, это нужно не столько ее автору и составителю, сколько нам, его землякам и современникам.

Владимир НОГОВИЦЫН

Фото автора

P.S. Посильную помощь Н.В. Упадышеву в выпуске монографии «ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919-1953 годы» оказали коряжемские меценаты Д. Шоломицкий и Александр Яковлев, котлашанин Владимир Титов, а также администрация города Котласа.